

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 323.17
doi: 10.17223/15617793/515/9

Нарратив виктимности в дискурсе о независимости Каталонии

Кирилл Викторович Гостев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kirill.gosteff@gmail.com

Аннотация. Рассматривается нарратив о «Каталонии-жертве», который активно использовался сепаратистскими партиями региона в 2010-е гг. Исследование основано на стенограммах Конгресса депутатов Испании за период с июля 2016 г. по ноябрь 2017 г. Анализ показывает, что помимо политической мобилизации населения и получения поддержки со стороны Европейского союза и более широкого международного сообщества нарратив преследовал третью цель – достижение большей автономии в рамках Испании.

Ключевые слова: Испания, Каталония, виктимность, сепаратизм, автономия

Для цитирования: Гостев К.В. Нарратив виктимности в дискурсе о независимости Каталонии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 81–88. doi: 10.17223/15617793/515/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/9

Victimhood narrative in the Catalan independence discourse

Kirill V. Gostev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kirill.gosteff@gmail.com

Abstract. International and domestic conflicts are often accompanied by competing victimhood narratives, which are used by both sides in order to legitimise their claim through recognition by the wider international community. This article focuses on the Catalan victimhood narrative, actively utilised by the secessionist parties of Catalonia in the 2010s. The research is based on the parliamentary records of the Congress of Deputies of Spain between July 2016 and November 2017. The analysis suggests that the underlying motives behind promoting this narrative were not only political mobilisation of the population and recognition of victimhood claims by the European Union, but also seeking for wider autonomy within the Spanish state. The term "victimhood" has seen use in forensic science as well as in international relations, where it gained traction with the emergence of identity studies. Meanings attributed to the term by scholars can vary, but nevertheless, the key characteristic of victimhood in political science, as opposed to forensic science, is that to form a victimhood narrative, an occurrence of crime or a traumatic event is not required: it's enough for a victim or a group of victims to *perceive* the situation as unjust. This perception can form a common identity based on the same traumatising experience. As the analysis of parliamentary records suggests, the victimhood narrative in the 2010s Catalonia was constructed around several premises, including encroachment on Catalonia's authority, high regional taxes that aren't adequately compensated by the public investment, and overall lack of mutual trust. After the referendum crisis in October 2017, the narrative was expanded to include police brutality and repression accusations towards the Spanish state. The paper concludes that the purpose of the victimhood narrative in Catalonia was threefold. First, it was used to expand on Catalan identity and mobilise the population for the October referendum. Second, the narrative attempted to appeal to the wider international community in the ongoing conflict with the Spanish state. Third, the victimhood narrative was used as a means to reach higher autonomy within Spain. This idea is supported by the consideration of the international context that rendered secession close to impossible, as well as the contents of the parliamentary records.

Keywords: Spain, Catalonia, victimhood, separatism, autonomy

For citation: Gostev, K.V. (2025) Victimhood narrative in the Catalan independence discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 81–88. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/9

Введение

В октябре 2017 г. Каталония проголосовала за отделение от Испании на неконституционном референдуме и предприняла попытку одностороннего объявления независимости, которая была подавлена после вмешательства центральных властей страны, введения в автономном сообществе прямого управления и открытия уголовных дел против лидеров движения за независимость. Анализируя риторику каталонских отделенческих партий в предшествовавший референдуму период, можно заметить, что планы обретения независимости во многом опирались на поддержку и солидарность международного сообщества и в частности – Европейского союза [1. Р. 11–17]. Чтобы заручиться его поддержкой, каталонские элиты активно формировали общественную дискуссию о независимой Каталонии, в которую были вплетены два ключевых нарратива, которые обозначают её отношение к ЕС и Испании соответственно.

Смысл первого нарратива можно обобщить как «каталонцы – европейская нация»: он не только подчёркивает общность интересов независимой Каталонии и ЕС, но и поднимает каталонцев до статуса нации, таким образом выражая протест против политики Мадрида, последовательно отказывающей региону в нём; в частности, именно вопрос о статусе нации в обновлённой редакции Статута об автономии Каталонии стал основанием для решения Конституционного суда Испании в 2010 г., который обнулил ряд положений Статута [2]. Второй нарратив – это нарратив виктимности, обозначающий представление о Каталонии как о жертве Испании. Хотя эти нарративы отличаются содержанием, их происхождение с точки зрения теории идентичности можно представить как попытку подчеркнуть уязвимость, хрупкость каталонской идентичности перед Мадридом и найти помощь со стороны третьих стран или международного сообщества в целом. Под таким углом зрения отношения между Мадридом и Барселоной невозможно рассматривать без Европейского союза, от которого и та и другая сторона ожидают арбитража и одобрения собственных действий.

Предметом исследования данной статьи является нарратив о виктимности Каталонии в разрезе отношений внутри треугольника Мадрид – Барселона – Брюссель.

Цель настоящей статьи – выявить основные черты нарратива виктимности Каталонии и его роли в конституционном кризисе 2017 г. Анализ дискурса проводился на материале стенограмм нижней палаты парламента Испании (Конгресса депутатов) за период с 19 июля 2016 г. по 15 ноября 2017 г., охватывающий 90 заседаний с начала работы XII созыва и до учреждения Комиссии по оценке и модернизации автономного государства, которое иллюстрирует реакцию органа на каталонский кризис [3]. Таким образом, исследование охватывает период подготовки к референдуму, острую фазу кризиса и некоторое время после острой фазы, достаточное, чтобы зафиксировать изменения в нарративе.

Теоретическая основа исследования

Прежде чем переходить к анализу, необходимо дать определение виктимности. Понятие виктимности происходит из раздела криминологии, известного как виктимология (от лат. *victima* – «жертва» и гр. *logos* – «учение») – изучение жертв преступлений. Советский учёный-виктимолог Л.В. Франк давал следующее определение виктимности: «...виктимность отдельного лица есть, по всей вероятности, не что иное, как реализованная преступным актом “предрасположенность”, вернее, способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима» [4. С. 65]. Понятийный аппарат виктимологии разделяет индивидуальную и массовую виктимность, а также виктимность и виктимизацию, которая понимается как процесс, в результате которого лицо или социальная группа становится жертвой преступления [5. С. 241]. Массовая виктимность в виктимологии сводится к совокупности индивидуальных виктимностей: Л.В. Франк указывал, что массовая виктимность выражается в количестве, структуре и удельном весе потерпевших в соответствующей группе населения [6. С. 19–22].

В политической науке понятие виктимности тесно связано с исследованиями идентичности и политики памяти. Р. Хорвиц определяет виктимность как публичное заявление, что группа или индивид потерпели несправедливость, которую надлежит исправить [7. С. 2]. Согласно определению Т. Джакоби, виктимизация – это акт нанесения ущерба личности или группе людей, а виктимность – это форма коллективной идентичности, основанной на этом ущербе [8. Р. 513]. Социологи Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг пишут о сложившейся в определённых общественных условиях «культуре виктимности», признаками которой являются «высокая чувствительность, склонность к разрешению конфликтов через апелляцию к третьей стороне и культивирование имиджа жертвы, заслуживающей поддержки и помощи» [9. Р. 5].

Следует заметить, что данное определение отходит от криминологического в том смысле, что не обязательно включает компонент преступления: для формирования нарратива достаточно, чтобы те действия, на которых субъект акцентирует внимание, воспринимались как несправедливые. Это важно с точки зрения нарратива виктимности в международных отношениях, так как в контексте взаимодействия политических субъектов виктимность необязательно связана с нарушением законов, как, например, в постколониальном дискурсе, который представляет бывшие колонии в роли жертв эксплуатации метрополиями. Нередки случаи, когда дискурс виктимности поддерживается официальными властями страны, чтобы поддержать или укрепить её имидж: так, в 1940-е гг. американская оккупационная администрация поддержала тезис о том, что народ Японии сам пострадал от преступлений милитаристского режима времён Второй мировой войны, чтобы укрепить легитимность послевоенного правления [10. С. 42], а в современной Сербии нарратив о виктимности сербов в период гражданской войны

в Югославии затмевает «геноцидальный нарратив» о событиях в Сребренице в июле 1995 г. [11. С. 331–334]. В экстремальном контексте международного вооружённого конфликта идентичности жертвы и преступника нередко сливаются воедино, так как стороны конфликтов в принципе склонны перекладывать вину за нанесённый ущерб на противника и привлекать симпатии третьих сторон если не своими методами, то, по крайней мере, конечной целью борьбы [8. Р. 515].

Таким образом, виктимность в политической науке можно определить как идентичность индивида или группы, связанную с реальным или мнимым ущербом. Обращение к виктимности, как правило, сопряжено с преимуществами, которыми в демократическом обществе пользуется статус жертвы – жертва имеет право на поддержку и помощь, где бы она ни находилась. Виктимность может служить фактором мобилизации той части общества, которая соотносит себя со статусом жертвы [8. Р. 527–528]. В международных конфликтах нарратив виктимности рассчитан на то, чтобы привлечь внимание и симпатию третьих сторон, не участвующих в конфликте.

Нарратив виктимности в Каталонии

Нарратив «Каталонии-жертвы» сложно назвать новым – его корни следует искать в политике испанизации режима Франко, после падения которого демократические силы в Мадриде активно искали поддержки среди национальных меньшинств страны [12. Р. 1]. Яркий элемент нарратива виктимности Каталонии – национальный праздник («диада»), который отмечают 11 сентября: это дата падения Барселоны в ходе войны за испанское наследство 1714 г., которая считается моментом утраты каталонской государственности (автономии в составе Испанского королевства).

Роль праздников в формировании идентичности личности значительна, поскольку памятные события, воспроизводимые с определенной периодичностью, закрепляются в общественном сознании, формируя прочную ассоциацию с локальной, религиозной, этнической или гражданской идентичностью. По форме праздник схож с ритуалом: Н.А. Галактионова пишет, что «в ритуальных установках кодексы поведения являются платформой поведенческого кода, подразумевающего соблюдение ролевых норм и правил, традиционных действий, соответствующих ролевым ожиданиям и образу действий» [13. С. 5–6]. Иначе говоря, нормы и правила, процедуры и социальные нормы, складывающиеся вокруг того или иного праздника, становятся частью идентичности: «в диаду каталонцы проводят шествия и пьют каву¹».

Определение памятных дат, характера, масштаба, а также бюджета мероприятий входит в сферу государственной политики, которую называют символической политикой. О.Ю. Малинова определяет символическую политику как деятельность, связанную «с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за доминирование в публичном пространстве» [14. С. 15]. Б.С. Ерасов включает

праздники в категорию социальных институтов, проецируя на это явление стадии формирования института – иначе говоря, включения праздника в «несущую конструкцию» той или иной идентичности [15. С. 304–331]. Возникновение праздника обусловлено потребностью в нем, вызванной определенными социальными изменениями в обществе. Затем праздник наполняется смысловым содержанием – идеями, нормами поведения, статусами участников, ритуалами, системами санкций и правилами. Со временем эти практики становятся привычными для общества, являясь частью идентичности.

Рассматривая праздник в русле конструктивизма как инструмент символической политики, исследователь может определить, какие нарративы, идеи, ценности, практики доминируют в публичной политике. В такой интерпретации празднование дня Каталонии в день, когда Каталония утратила государственность, является сильным символическим актом, который говорит о большой роли данного факта для идентичности каталонцев. Трудно переоценить смысловое наполнение того факта, что именно массовые шествия в диаду на рубеже 2000–2010-х гг. стали местом рождения движения за независимость Каталонии. Безусловно, историческое прошлое праздника также внесло свой вклад в нарратив виктимности, культивируя в каталонцах бережное отношение к демократии и чувствительность к попыткам Мадрида ограничить и сдвинуть пределы каталонского самоуправления.

Для выявления основных черт нарратива виктимности был отобран массив стенограмм Конгресса депутатов XII созыва с начала его работы по ноябрь 2017 г. – спустя месяц после завершения острой фазы кризиса. Анализ был осуществлен следующим образом. На первом этапе из полнотекстового массива заседаний были выбраны высказывания политиков так называемой смешанной парламентской группы по партийному списку «Демократической конвергенции Каталонии» (CDC) – региональной партии², выступавшей за независимость Каталонии и вошедшей в правящую коалицию в регионе (в июле 2016 г. преобразована в Демократическую европейскую партию Каталонии). Анализировались высказывания 9 человек, или 8 мест из 18 в составе партийной группы. Не учитывались ремарки процедурного характера и короткие предложения без смысловой нагрузки. На втором этапе из массива высказываний были выбраны те, которые относились к интересам Каталонии или автономных сообществ, но не Испании в целом. Третий этап включал категоризацию высказываний по темам и их подсчёт с учётом числа заседаний, в которых выступал тот или иной политик. Если в ходе одного заседания или одного высказывания затрагивалось несколько тем, все они указывались.

В таблице представлены данные, отражающие участие политиков ДПК в заседаниях парламента за рассматриваемый период.

Как следует из таблицы, в половине случаев высказывания политиков данной группы относились к вопросам, связанным с Каталонией или автономными сообществами. Наибольшую активность на заседаниях

проявили экономист из Таррагоны Ферран Бель (род. 1965), жиро́нский адвокат Хорди Шукла (род. 1973) и профессиональный политик из Барселоны Карлес Кампусано (род. 1964) – каждый из них высказывался в трети заседаний, включённых в выборку.

Как видим в таблице, более половины (69 из 112) высказываний занимают три темы: обвинения властей Испании в игнорировании диалога с Каталонией, недо-вольство недостатком полномочий в рамках автономии

и вопросы, связанные с бюджетом – проблемы с исполнением, несправедливость отчислений и целевых показателей по дефициту. В период острой фазы противостояния и после неё отмечаются обвинения властей в проведении репрессий (9 упоминаний) и героизация каталонских лидеров, оказавшихся за решёткой после событий октября 2017 г. (8 упоминаний). Помесячный график упоминаний некоторых тем представлен на рис. 1.

Активность депутатов ДПК в XII созыве Конгресса депутатов Испании

Депутат	Заседаний с участием	Из них о Каталонии	Высказываний по темам									
			И	П	Б	А	Р	С	Ц	Г	Д	Всего
Ферран Бель	31	18	1	1	7	2	0	0	4	2	2	19
Карлес Кампусано	33	14	0	4	0	3	6	0	1	1	1	16
Лоурдес Киуро	25	12	1	3	0	3	1	2	0	2	1	13
Фелиу-Хоан Гильом (с 6 апреля 2017 г.)	8	4	0	1	0	0	2	0	0	0	1	4
Франсеск Омс (до 6 апреля 2017 г.)	9	8	7	2	1	0	0	2	1	0	1	14
Сержи Микель	16	8	2	5	1	0	0	2	0	0	1	11
Мириам Ногерас	15	13	6	6	0	1	0	0	1	1	2	17
Антони Постиус	9	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Хорди Шукла	29	13	8	3	2	0	0	2	0	2	0	17
Всего	172	89	26	25	11	9	9	8	7	6	9	112

Примечание. И – игнорирование властями диалога с Каталонией; П – распределение полномочий; Б – исполнение бюджета и отчисления в бюджет; А – принятие антикаталонских законов; Р – обвинения в репрессиях; С – политизация судебной системы; Ц – несправедливые целевые показатели бюджетного дефицита; Г – героизация арестованных членов каталонского правительства как политзаключённых; Д – другие.

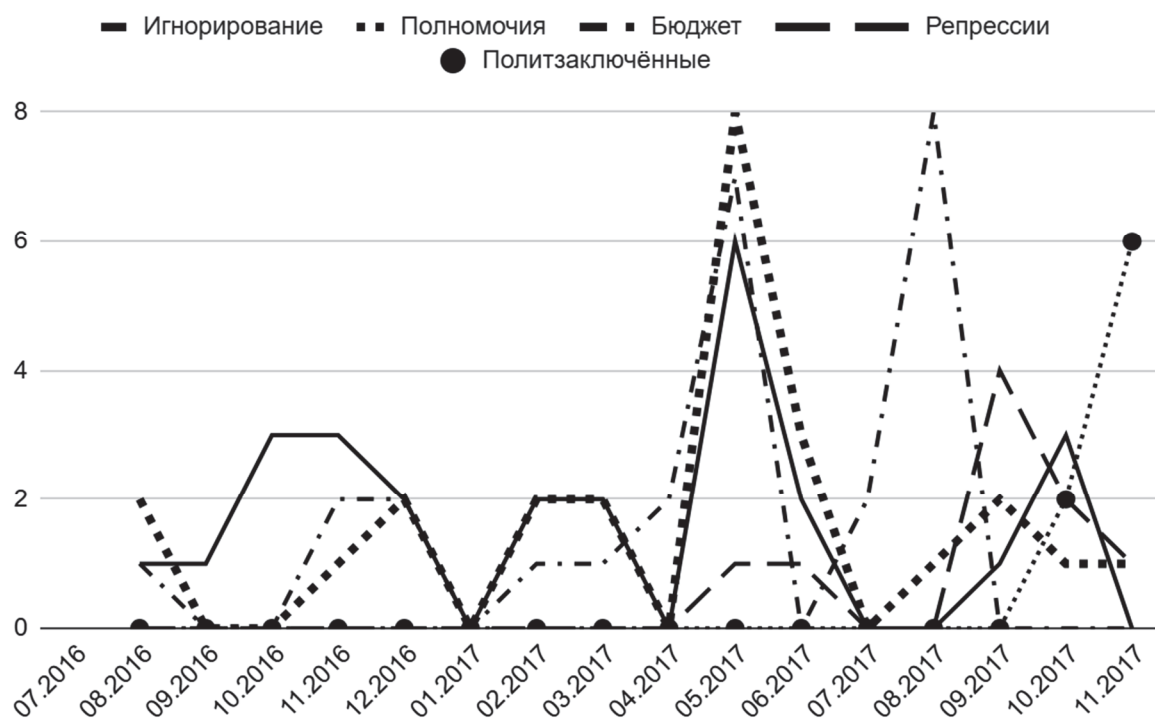

Рис. 1. Частотность упоминания некоторых тем в речи депутатов ДПК в XII созыве Конгресса депутатов Испании

Большая частотность высказываний об игнорировании диалога с региональными властями и недостатке полномочий может говорить о том, что именно эти вопросы стояли во главе повестки дня отделенческих партий накануне кризиса. При этом нельзя сказать, что Каталония игнорировала процедурные пути решения проблемы, и то же самое утверждали политики ДПК. Например, на заседании 18 октября 2016 г. во время обсуждения реформы бюджета автономных сообществ Ферран Бель, говоря о необходимости учитывать в региональных бюджетах стоимость проживания, заявил, что «Каталония... много раз заявляла об этом, но была стигматизирована» [16. Р. 37]. Похожий шаблон использовал Карлес Кампусано на заседании 31 января 2017 г., обвинив правительство в бездействии относительно энергетической бедности граждан (в первой половине 2010-х гг. на фоне экономического спада и банковского кризиса проблема усугубилась): «Каталония была первопроходцем в преодолении последствий энергетической бедности на законодательном уровне, но столкнулись с сопротивлением со стороны государства в трёх случаях, и только на третий раз пришли к соглашению» [17. Р. 8–9].

В месяцы, предшествующие кризису, высказывания политиков ДПК в парламенте также становятся более острыми: так, на заседании 27 сентября 2017 г. Карлес Кампусано открыто обвиняет власти страны в «репрессивной политике», подвергаящей угрозе свободу самовыражения, печати и собраний [18. Р. 38–39]. Следует подчеркнуть, что в этой речи Кампусано возлагает ответственность за кризис не на Испанию, а на правящую Народную партию М. Рахоя: «Вы уже ведёте себя так, будто Каталония – это чужая страна», а также представляет дискуссию о независимости Каталонии как часть более широкой дискуссии об испанской демократии: «Каждый раз, когда Каталония восставала с требованием признать её национальные реалии, вопрос о свободе Каталонии становился вопросом о свободе в Испании» [18. Р. 38–39].

На фоне крайней эмоциональности речи, спровоцированной близостью острой фазы кризиса, становится виден тщательный подбор слов спичрайтерами ДПК: Кампусано превращает конфликт Мадрида и Каталонии о полномочиях в конфликт Народной партии и Каталонии о будущем демократии в Испании. Образ Каталонии – прогрессивной, открытой, защищающей ценности демократии – противопоставляется образу Испании периода правления М. Рахоя – консервативной, не уважающей регионы и готовой пойти по пути укрепления вертикали власти, что предполагает сокращение полномочий регионов.

Смещение каталонского «значимого другого» с Испании в целом на Народную партию и действующее правительство, во-первых, легитимизирует референдум о независимости, главной задачей которого становится не собственно отделение от Испании, а инициирование диалога, а во-вторых, ставит сохранение членства Каталонии в составе Испании в зависимость не от самоидентификации каталонцев, а от того, насколько компетентными – с точки зрения, конечно же, самих

каталонцев – являются власти всей страны. Противопоставление по линии «каталонцы – испанцы» несёт в себе не только риски «сжигания мостов» с возможными союзниками среди третьих сторон, но и может привести к кризису в самой Каталонии, где значительная доля населения сочетает в себе две этих идентичности. В то время как заявление о несправедливом отношении из-за некомпетентности, являющееся частью нарратива о виктимности Каталонии, сохраняет свободу политического манёвра для отделенческих партий и оставляет шансы снискать симпатию со стороны противников Народной партии.

На графике (см. рис. 1) чётко выделяются два периода наибольшей активности депутатов ДПК. Первый пик активности произошёл в мае 2017 г., когда в парламенте шло обсуждение бюджета страны, – здесь зафиксировано наибольшее число упоминаний тезисов об игнорировании Каталонии, о неисполнении бюджета и о нехватке полномочий местного самоуправления. Второй, менее выраженный пик – острая фаза кризиса в августе–октябре 2017 г. В это время значительно выросло число обвинений правительства М. Рахоя в репрессивной политике, а после ареста членов каталонского правительства появляется новый тезис о героизации сепаратистов как политзаключённых. Очевидно, что острая фаза кризиса спровоцировала изменение дискурса – с прагматичных вопросов о бюджете и распределении полномочий на обвинения в репрессиях и апеллирование к эмоциям.

Важно отметить, что ни результаты референдума, ни последовавшее за ним одностороннее объявление независимости не привели к возникновению в нарративе противостояния Каталонии и Испании: напротив, каталонские политики в парламенте подчёркнуто воздерживались от такой позиции. Так, Мириам Ногерас на заседании 7 ноября 2017 г. прямо заявила в ответ на заявление депутата Народной партии, что «нас [каталонцев] не тревожит Испания и не тревожат испанцы – совсем даже наоборот» [19. Р. 61–62]. Вместе с тем одно изменение в нарративе, которое стоит зафиксировать, – это то, что депутатам отделенческих партий приходится защищать себя от обвинений в предательстве, главным образом основанных на обращении к неприкасаемости единства Испании. Ногерас в упомянутом выступлении, Хорди Шукла в ходе того же заседания 7 ноября 2017 г. [19. Р. 39] призывают других парламентариев «не верить лжи» о каталонцах и Каталонии, иначе говоря, склоняют их к трактовке событий конституционного кризиса, поддерживающей нарратив о виктимности региона. Логично предположить, что такой поворот нарратива вызван результатами конституционного кризиса, который не привёл к отделению Каталонии от Испании, но оставил массу вопросов как о будущем региона в составе страны, так и о будущем самих политических партий, поддерживавших независимость Каталонии.

Значение нарратива о виктимности Каталонии для каталонского движения о независимости хорошо иллюстрирует, как К. Пучдемон представил одностороннее объявление о независимости региона 10 октября 2017 г. Отделиться означало бы окончательно

противопоставить Каталонию остальной Испании, что исключало возможность любого диалога в сложившейся ситуации. Поэтому, объявив о независимости Каталонии, Пучдемон тут же заявил о приостановке действия процесса провозглашения независимости, чтобы начать диалог с правительством Испании [20]. Такой шаг был необходим для того, чтобы избежать разрушения нарратива о виктимности и прямого противопоставления каталонской и испанской идентичностей, которое могло привести к всплеску нетерпимости и кризису уже внутри самой Каталонии.

Выводы

Таким образом, легитимация претензий Каталонии на независимость осуществляется при помощи следующих аргументов в рамках нарратива виктимности:

- правительство Испании не считает Каталонию полноправным участником диалога, разрешая споры через подконтрольный ему Конституционный суд;
- отчисления Каталонии в общий бюджет Испании сопровождаются недофинансированием региональных проектов, в том числе инфраструктурных;
- Каталония сталкивается с ограничениями со стороны властей страны, даже в тех сферах компетенций, где есть четкие разграничения;
- в этих условиях проведение референдума является единственным способом принудить Мадрид к политическому диалогу;
- силовые методы подавления мятежа дают основание говорить о правительстве Испании как о нелегитимном и недемократическом.

Как было упомянуто ранее, нарратив виктимности вводится в политический дискурс с целью а) мобилизации группы, ассоциирующей себя со статусом жертвы, и б) поиска симпатии и поддержки со стороны третьих сторон, особенно если они обладают потенциалом к арбитражу. Первый пункт слабо отражён в анализе в силу специфики источника, не ориентированного на массового слушателя. Во втором пункте оче-

видным арбитром для Каталонии должен был стать Европейский союз, что отразилось в политических программах сепессионистских партий – например, в дорожной карте правившего блока «Хунтс», одержавшего победу на местных выборах в 2015 г., обозначено стремление Каталонии остаться в ЕС и сохранить все привилегии членства «для сохранения достигнутого уровня процветания», которое, однако, так или иначе поставлено в зависимость от позиции Европейского союза и Испании [21. Р. 11]. Эта стратегия не имела эффекта в силу того, что ЕС оценил последствия отделения Каталонии как негативные для всего блока (в частности, отделение несло риски дестабилизации национальных окраин в целом ряде стран от Франции до Швеции), а потому Еврокомиссия чётко обозначила позицию ЕС в соответствии с так называемой доктриной Проди [22], заявив, что в случае отделения Каталония будет вынуждена пройти полную процедуру получения членства, как любое другое государство.

Основываясь на характеристике нарратива, представленного в источнике, можно сделать предположение, что нарратив виктимности Каталонии в испанском парламенте преследовал ещё одну, третью цель, а именно достижение большей автономии Каталонии в рамках испанского государства. Нарратив не содержал ярко выраженного противопоставления Каталонии и Испании; скорее Каталония в нём представлена как жертва действующего испанского правительства и его политики, а не испанцев и Испании вообще. Набор тем, а также активность каталонских политиков в период как до, так и после кризиса подчёркивают их нацеленность на интересы Каталонии вне зависимости от успеха сепессионистского проекта, иными словами, независимость Каталонии оказалась предметом политического торга. В парадигме этой более скромной цели нарратив виктимности, по сути, следует рассматривать в качестве просьбы к ЕС оказать давление на власть в Мадриде с тем, чтобы разрешить накопившиеся противоречия, а референдум и последовавшие события – как способ привлечения внимания к каталонским проблемам.

Примечания

¹ Игристое вино, производится преимущественно в Каталонии и Валенсии.

² Представленность в парламенте региональных партий наряду с общенациональными – особенность электоральной системы Испании.

Список источников

1. Programa Electoral // Junts Pel Sí. Barcelona, 5 de setembre de 2015. URL: http://juntspelsi.s3.amazonaws.com/assets/150905_Programa_electoral_v1.pdf (дата обращения: 01.12.2024).
2. Sentencia 31/2010, de 28 de junio de 2010 // Tribunal Constitucional. BOE num. 172, de 16 de julio de 2010, 491 p. URL: https://boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2010-11409 (дата обращения: 01.12.2024).
3. Diario de sesiones del Congreso de los Diputados. Año 2016 Legislatura XII Num 1 - Año 2017 Legislatura XII Num 90 // Madrid, Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. cve: DSCD-12-PL-1 — DSCD-12-PL-90.
4. Тимина Т.Н. Виктимность и виктимизация как основные категории криминальной виктимологии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3 (34). С. 64–68.
5. Емельянов И.Л. Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики // Известия АлтГУ. 2013. №2 (78). С. 241–246.
6. Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе : Изд-во Тадж. ун-та, 1972. 114 с.
7. Horwitz R. Politics as Victimhood, Victimhood as Politics // The Journal of Policy History. 2018. Vol. 30, № 3. P. 552–574.
8. Jacobi T.A. A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity // Millennium: Journal of International Studies. 2015. Vol. 43 (2). P. 511–530.
9. Campbell B., Manning J. Microaggression and Moral Cultures // Comparative Sociology. 2014. Vol. 13 (6). P. 692–726.
10. Стрельцов Д.В. Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии // Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов, Москва, 19 декабря 2014 г. М. : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт Дальнего Востока Российской академии наук», 2015. С. 38–45.

11. Растегаев Д.О. Место антипamяти: нарратив о Сребренице в структуре онтологической безопасности Республики Сербской // Политическая наука. 2023. № 2. С. 315–337.
12. Dr. Miley T.J. The constitutional politics of language policy in Catalonia, Spain. // Adalah. The legal center for Arab Minority Rights in Israel. Monthly Newsletter. 2006. Vol. 29. P. 1–3. URL: <https://www.adalah.org/uploads/oldfiles/newsletter/eng/oct06/ar1.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).
13. Галактионова Н.А. Праздник как социальный институт // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 5 (25). doi: 10.12731/2218-7405-2013-5-19
14. Малинова О.Ю., Миллер А.И. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сб. ст. / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. С. 7–37.
15. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М. : Аспект-Пресс, 2000. 591 с.
16. Diario de sesiones del Congreso de los Diputados. Año 2016 Legislatura XII Num 9 // Madrid, Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. cve: DSCD-12-PL-9.
17. Diario de sesiones del Congreso de los Diputados. Año 2017 Legislatura XII Num 26 // Madrid, Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. cve: DSCD-12-PL-26
18. Diario de sesiones del Congreso de los Diputados. Año 2017 Legislatura XII Num 78 // Madrid, Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. cve: DSCD-12-PL-78.
19. Diario de sesiones del Congreso de los Diputados. Año 2017 Legislatura XII Num 87 // Madrid, Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. cve: DSCD-12-PL-87.
20. Official Statement by the President on the political situation in Catalonia // Generalitat the Catalunya. Barcelona. 10 October, 2017. URL: <https://www.statewatch.org/media/documents/news/2017/oct/es-catalonia-puigdemont-generalitat-statement-10-10-17.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
21. Programa Electoral // Junts Pel Sí. Barcelona, 5 de setembre de 2015. URL: http://juntspelsi.s3.amazonaws.com/assets/150905_Programa_electoral_v1.pdf (дата обращения: 01.12.2024).
22. Written question P-0524/04 by Eluned Morgan (PSE) to the Commission // OJ C 84 E, 3 April, 2004, p. 421-422. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A92004E000524> (дата обращения: 01.12.2024).

References

1. *Programa Electoral*. (2015) Junts Pel Sí. Barcelona, 5 de setembre de 2015. [Online] Available from: http://juntspelsi.s3.amazonaws.com/assets/150905_Programa_electoral_v1.pdf (Accessed: 01.12.2024). (In Catalan).
2. *BOE*. (2010) Sentencia 31/2010, de 28 de junio de 2010. Tribunal Constitucional num. 172, de 16 de julio de 2010. [Online] Available from: https://boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2010-11409 (Accessed: 01.12.2024). (In Spanish).
3. *Diario de sesiones del Congreso de los Diputados*. (2016–2017) Año 2016 Legislatura XII Num 1 – Año 2017 Legislatura XII Num 90. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado.
4. Timina, T.N. (2015) Viktimnost' i viktimizatsiya kak osnovnyye kategorii kriminal'noy viktimologii [Victimhood and Victimization as Basic Categories of Criminal Victimology]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 3 (34). pp. 64–68.
5. Yemel'yanov, I.L. (2013) Viktimnost' i viktimizatsiya: ponyatiye, vidy, problemy profilaktiki [Victimhood and Victimization: Concept, Types, Problems of Prevention]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (78). pp. 241–246.
6. Frank, L.V. (1972) *Viktimologiya i viktimnost'* [Victimology and Victimhood]. Dushanbe: Tajik University.
7. Horwitz, R. (2018) Politics as Victimhood, Victimhood as Politics. *The Journal of Policy History*. 30 (3). pp. 552–574.
8. Jacobi, T.A. (2015) A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity. *Millennium: Journal of International Studies*. 43 (2). pp. 511–530.
9. Campbell, B. & Manning, J. (2014) Microaggression and Moral Cultures. *Comparative Sociology*. 13 (6). pp. 692–726.
10. Strel'tsov, D.V. (2015) Viktimnost' kak chast' poslevoynnoy identichnosti Yaponii [Victimhood as Part of Japan's Post-War Identity]. In: *Rossiyskoye yaponovedeniye segodnya: K 20-letiyu Assotsiatsii yaponovedov, Moskva, 19 dekabrya 2014 g.* [Russian Japanese Studies Today: To the 20th Anniversary of the Association of Japanese Scholars, Moscow, December 19, 2014]. Moscow: Institute of the Far East, RAS. pp. 38–45.
11. Rastegayev, D.O. (2023) Mesto antipamyati: narrativ o Srebrenitse v strukture ontologicheskoy bezopasnosti Respubliki Serbskoy [A Place of Anti-Memory: The Narrative of Srebrenica in the Ontological Security Structure of the Republika Srpska]. *Politicheskaya nauka*. 2. pp. 315–337.
12. Miley, T.J. (2006) The constitutional politics of language policy in Catalonia, Spain. *Adalah. The legal center for Arab Minority Rights in Israel. Monthly Newsletter*. 29. pp. 1–3. [Online] Available from: <https://www.adalah.org/uploads/oldfiles/newsletter/eng/oct06/ar1.pdf> (Accessed: 01.12.2024).
13. Galaktionova, N.A. (2013) Prazdnik kak sotsial'nyy institut [Holiday as a Social Institution]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 5 (25). doi: 10.12731/2218-7405-2013-5-19
14. Malinova, O.Yu. & Miller, A.I. (2021) Simvolicheskaya politika i politika pamyati [Symbolic Politics and Politics of Memory]. In: Miller, A.I. & Yefremenko, D.V. (eds) *Simvolicheskiye aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope: sbornik statey* [Symbolic Aspects of the Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe: Collection of Articles]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. pp. 7–37.
15. Yerasov, B.S. (2000) *Sotsial'naya kul'turologiya* [Social Culturology]. Moscow: Aspekt-Press.
16. *Diario de sesiones del Congreso de los Diputados*. (2016) Año 2016 Legislatura XII Num 9. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado.
17. *Diario de sesiones del Congreso de los Diputados* (2017) Año 2017 Legislatura XII Num 26. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado.
18. *Diario de sesiones del Congreso de los Diputados*. (2017) Año 2017 Legislatura XII Num 78. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado.
19. *Diario de sesiones del Congreso de los Diputados*. (2017) Año 2017 Legislatura XII Num 87. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado.
20. Generalitat de Catalunya. (2017) *Official Statement by the President on the political situation in Catalonia*. Barcelona. 10 October, 2017. [Online] Available from: <https://www.statewatch.org/media/documents/news/2017/oct/es-catalonia-puigdemont-generalitat-statement-10-10-17.pdf> (Accessed: 20.05.2025).
21. *Programa Electoral* [Electoral Programme]. (2015) Junts Pel Sí. Barcelona, 5 de setembre de 2015. [Online] Available from: http://juntspelsi.s3.amazonaws.com/assets/150905_Programa_electoral_v1.pdf (Accessed: 01.12.2024).
22. *Written question P-0524/04 by Eluned Morgan (PSE) to the Commission*. (2004) OJ C 84 E, 3 April, 2004. pp. 421-422. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A92004E000524> (Accessed: 01.12.2024).

Информация об авторе:

Гостев К.В. – аспирант кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kirill.gosteff@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Gostev, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirill.gosteff@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2025;
одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 10.03.2025;
approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.*